

УДК 930.8

АНТИЧНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Лейбенсон Ю. Т.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: indrik-u-blues@rambler.ru*

Рассматривается вопрос о рецепции античного наследия в средневековом Северном Причерноморье в сферах таких интеллектуальных профессий как зодчество, живопись, медицина, литературное творчество. Известно, что в средневековой Византии, преемнице Римской империи, все эти сферы испытывали огромное влияние античной традиции, и византийские интеллектуалы зачастую видели себя продолжателями этой традиции. Что касается Северного Причерноморья, то наиболее ясно преемственность от античности прослеживается в византийском Херсоне и, в некоторой степени, – на Боспоре и в Горном Крыму. На примере Херсона видно, как сохранялись приемы эллинистического и римского времени в градостроительстве, изобразительном искусстве, медицинской практике; в городе еще в античное время сложилась историко-литературная традиция, повлиявшая на литературу, возникшую в средневековом Херсоне. Кроме того, такие нарративные источники, как словарь «Суда» и трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» свидетельствуют о том, что труды северопричерноморских античных ученых были известны в средние века и за пределами региона.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, античная интеллектуальная традиция, средние века.

Рубеж античности и средневековья, обозначаемый чаще всего 476 годом, как известно, является условной датой. Ни политическое, ни историческое, ни культурное и интеллектуальное наследие античной эпохи в средневековой Европе не исчезли. Гарантом выживания античного интеллектуализма в средние века стал, конечно же, Второй Рим. Именно здесь долго еще сохраняются Академия в Афинах, научный центр в Александрии. В столице Византии собирают и переписывают эллинистических и римских авторов; блестящие разновременные эрудиты вроде Проэресия, Синесия, Иоанна Малалы, Евстафия Солунского, Георгия Амируци, Фотия комментируют античных авторов и свободно пользуются образами античной мифологии. Последний из названных византийских интеллектуалов, преподаватель Пандидактериона и патриарх Константинопольский, составляет «Мириобиблион» – синопсис почти трехсот книг классической древности – и во многих разделах не скрывает своего восхищения от прочитанного. Так, например, говорит он о Лукиане: «Связность слов достигает у него такого совершенства, что при чтении они воспринимаются не как слова, а словно какая-то сладостная музыка, которая, независимо от содержания песни, вливается в уши слушающих. Одним словом, повторяю, великолепен слог у него» [47, с. 43]. Для историка Прокопия Кесарийского образцом был Аппиан, для его продолжателя Агафия Миринейского – Фукидид и Полибий. Жанр античной биографии продолжил свое естественное развитие в агиографической литературе, особенно ярко черты античной биографии, сложившиеся со времени Плутарха, выступают в византийской агиографии VI–VIII вв. [51, с. 223]. Стихосложение долгое время оставалось совершенно античным по форме: тяжеловесные рече-

вые обороты Нонна Панополитанского, спорящего «с книгой Гомера» [3, с. 196], и филигранная фраза Григория Назианзина (Богослова) – это гексаметр, элегический дистих и ямбический триметр [62, с. 20].

Безусловно, спор между эллинским интеллектуализмом, ассоциировавшимся с язычеством, и новой христианской картиной мира происходил на протяжении значительного времени, но полного вытеснения античности не случилось. В «Апостольских постановлениях», памятнике III–IV вв., читаем: «Чего не достаёт тебе в Законе Божиим, чтобы устремляться тебе к тем басням, народным? Хочешь ли ты проходить сочинения исторические? Имеешь книги Царств. Хочешь ли проходить сочинения софистические и пиитические? Имеешь пророков, Иова, приточника, в которых найдешь гораздо больше ума, нежели в какой бы то ни было пиитике и софистике... Желает ли ты сочинений лирических? Имеешь псалмы. Древностей ли желаешь? Имеешь Бытие...» [62, с. 10].

Несмотря на это, школьные традиции у христиан Византии, как и у язычников, предписывали изучение Гомера и других поэтов. В ещё более ранний период в христианском греческом романе «Климентины», или «Узнавания» (II–III вв.), герои после долгих споров приходят к выводу о том, что, «когда заложены твердые основы в соответствии со Священным Писанием, тогда можно без опасения, чтобы все больше утверждать ее в умах, воспользоваться знаниями и искусствами, которые составляли предмет изучения в детстве» [62, с. 11]. К примерам того, как пересматривалось наследие эллинской образованности на заре византийской истории, можно добавить речь, произнесенную Отцом Церкви Григорием Богословом во второй половине IV в.: «Полагаю же, что всякий, имеющий ум, признает первым для нас благом ученость, и не только эту благороднейшую и нашу ученость... но и ученость внешнюю... Так и в науках мы заимствовали исследования и умозрения, но отринули все то, что ведет к демонам, к заблуждению и в глубину погибели. Мы извлекали из них полезное даже для самого благочестия, через худшее научившись лучшему, и немощь их обратив в твердость нашего учения. Поэтому не должно унижать ученость, как рассуждают об этом некоторые; а напротив, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые, придерживаясь такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обличения в невежестве» [20, с. 137]. Его современник, Василий Кесарийский, произносит в 377 г. гомилию «О том, как юноше извлекать пользу из языческих книг», очень близкую к плутарховой речи «Как слушать юноше поэтические произведения». Гомеровы поэмы в ней истолковываются в моральном ключе: например, Навсикая не стесняется наготы Одиссея, поскольку видит, что он одет в добродетели [9, с. 118]. Ранневизантийским периодом, впрочем, спор не был исчерпан, и даже Иоанну Дамаскину, основателю «византийского аристотелизма» (VII–VIII вв.) снова приходится полемизировать с мнением о возможном вреде эллинской учености: «будем исследовать также и учения языческих мудрецов. Может быть, и у них мы найдем что-либо пригодное и приобретем что-нибудь душеполезное» [29, с. 56].

Тем не менее колоссальный корпус текстов говорит о практически непрерывной рецепции античного наследия ромеями, и спустя столетие после речи Дамаскина возникнет новый всплеск интереса к классической древности – Македонский ре-

нессанс IX–XI вв. За ним последуют Комниновский (XI–XII вв.) и, на исходе жизни империи, Палеологовский (XIII–XV вв.) ренессанс. Примечательно, что во время Македонского возрождения худшим обвинением оппонента могло служить «отречение от самого существенного в Священном Писании и от самого основательного в греческой образованности» (так один из учеников Фотия, Арефа, ругает придворного секретаря и дипломата Льва Хиросфакта за небрежение Аристотелем в памфлете «Хиросфакт или Ненавистник чародейства») [62, с. 44]. Именно на этот период приходится прежде не актуальное противопоставление платонизма и аристотелизма. В конце концов победу одержал платонизм, что было равнозначно победе исихазма – так в византийской истории эллинская образованность влияла на христианскую философию и практику [30, с. 32–36].

В античных городах Северного Причерноморья, не бывшего интеллектуальным центром империи, сложно выявить прямое наследование литературной, научной или философской традиции, хотя традиция существовала: это философы (обретшие известность вне малой родины, как Бион Борисфенит, Дифил Боспорянин и Сфер Боспорский, или же «дававшие согражданам наилучший образ мысли» на родине, как, например, Смикр, учивший «на распутьях дорог», подобно софистам и Сократу [КБН, № 118]), ученые, поэты, архитекторы, происходившие из северопричерноморских полисов.

Сохранились только три нарративных источника, по которым можно косвенно проследить такое влияние. Первый – это трактат «Об управлении империей» Константина Багрянородного. Последний раздел этого сочинения, содержащий пять сюжетов из истории Херсонеса римского времени, имел некий первоисточник, написанный херсонесским автором, жившим либо в позднеимперское время, либо в V–VI вв. [65, с. 5]. На этого автора явно повлияли труды античных писателей о военных хитростях, возможно, это были «Стратегемы» Полиена: в херсонесских сюжетах речь идет как раз о хитроумных уловках херсонеситов в борьбе против боспорян. Таким образом, труд эллина-интеллектуала из Северного Причерноморья стал источником для сочинения царственного византийца X века [61, с. 147].

Второй пример – это текст «Жития Семи мучеников Херсонских», авторство которого принадлежит, вероятно, местному хорошо образованному клирику. Он написал протограф сохранившихся рукописных версий «Житий» (9 греческих текстов, 9 церковнославянских, 2 армянских и 2 грузинских) около 570-х гг. (по А. Ю. Виноградову [14, с. 86]) либо в иконоборческое время – последней четверти VIII – середине IX в. (по Ю. М. Могаричеву [41, с. 364]), и, как видно, был знаком с жанром античной биографии, тесно связанным с формированием житийной традиции. В том, что автор «Жития» жил в средневековом Херсоне, у исследователей нет никаких сомнений: он дотошно описал местную топографию, некоторые объекты даже удается отождествить с известными архитектурными памятниками Херсона, как, например, Восточную базилику (№ 36) – с храмом ап. Петра [55, с. 94–98]. По замечанию А. Ю. Виноградова, на автора протографа «Житий» могла повлиять местная историческая традиция, известная по херсонесским сюжетам из 53 главы трактата Константина Багрянородного: основной конфликт правых (херсонитов в исторической хронике или епископов в «Житии...») и неправых (боспорян или

язычников) развивается сходным образом и разрешается в пользу первых. Наследованием исторической хронике автор «Житий...» пытается разрешить конфликт полисной и христианской идеологии [14, с. 155].

И, наконец, один из античных интеллектуалов Северного Причерноморья известен по упоминанию в средневековом византийском словаре «Суда» («Свида»). В словаре, где собрано 30 000 терминов и кратких биографий, говорится о том, что Посидоний, «софист и историк», написал «об Океане и связанных с ним вещах, о стране, называемой Таврика, об истории Аттики (в четырех книгах), о Либии (в одиннадцати книгах) и о другом» [2, рi. 2109]. Время жизни Посидония, как правило, относят к эллинистическому периоду, и предполагают, что он происходил из ольвийской знати [46, с. 156–164]. Больше упоминаний о Посидонии не сохранилось, не знаем мы также, насколько широко и как долго его труды были известны в Северном Причерноморье. Очевидно, что сочинения Посидония для общеэллинистической науки не были особенно важными: мы не встречаем ни у кого из античных и средневековых авторов ни ссылок на его труды, ни цитат из них. И даже предположить, что книги Посидония хранились в одной из константинопольских библиотек во время составления словаря, мы не вправе: перечисление трудов «софиста и историка» в «Суде» выглядит как цитата из какого-то другого сборника (подобным образом сведения о книгах, написанных философами, дает Диоген Лаэртский в сочинении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»). Тем не менее составители «Суды» сочли необходимым предоставить просвещенному читателю информацию об ученом из Ольвии. Остальных, даже косвенных, свидетельств влияния античной литературной традиции не сохранилось. Наверняка ближайшие потомки и узнавали «мудрость из книг» северопонтийских интеллектуалов, но «бесчисленные века», вопреки пожеланию составителя эпитафии рубежа I–II вв. [КБН, № 145], ее не сохранили. В таком случае представляется уместным говорить скорее об общих античных традициях в интеллектуальной жизни и интеллигентных профессиях, сохранных в последующую эпоху стараниями жителей Таврики, уже византийской. О том, что эти традиции должны были быть сохранены, свидетельствуют материалы археологических раскопок.

Несмотря на рассказ Прокопия Кесарийского о гибели от варваров городов на Европейском и Азиатском Боспоре, археологические исследования дают несколько иную картину. Пантикапей не обезлюдел и не был разрушен гуннами – на бывшем акрополе застройка велась даже в VI–VIII в. [50, с. 169]. Продолжил существовать Китей, он был покинут жителями не ранее конца VI – начала VII вв. из-за экологической катастрофы [42, с. 42–45]. Кимерик – несколько отодвинулся от моря, но продолжал существовать в средневековое время. Некрополь Илурата, существовал в VI–VIII в., и в нем не прослеживается резкой смены этнического состава [39, с. 35–38]. Гермонасса в средневековый период повторила античные очертания города [61, с. 48–49]. Кепы и Фанагурис упоминаются Прокопием как маленькие города, которые «недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания» [52, с. 163]. Тем не менее никаких следов полного разрушения Кеп в указанное время не прослеживается. В позднеантичную эпоху город остается греческим: варварские черты погребений встречаются только в 9 %

случаев погребений. Фанагория даже не изменила своего названия. Город стал хиреть только к IX веку, а в X в. был покинут жителями из-за неблагоприятной геофизической обстановки [55, с. 401]. Херсон также не переживал упадка, перестройка города VII–VIII вв. была произведена не вследствие нападений варваров и разрушений, а после серии подземных толчков; население осталось грекоязычным, и город продолжал распространять «греко-византийскую культурную традицию в регионе» [55, с. 1163–1166]. Очевидно то, что, несмотря на вторжение в Северное Причерноморье иноплеменников, античная традиция имела все возможности сохраниться в регионе. Это заметил еще в 1906 г. Ю. А. Кулаковский: «...что касается до Боспора, то в течение V века он стоял, по-видимому, вне зависимости от империи. Но за своими стенами он хранил старое население, сохранившее свой греческий язык, свою церковную связь с Византией, свои обычаи и традиции своего давнего прошлого». В качестве примера Кулаковский привел два раннехристианских склепа с текстом 90 псалма на греческом языке. Он отмечает влияние татарского языка и готского диалекта в позднесредневековое время, но языком письменности и церковной службы оставался греческий [33, с. 56–57].

Несмотря на то что очевидная мысль о преемственности античной культуры в средневековом Северном Причерноморье так или иначе неоднократно высказывалась исследователями, нам известна только одна комплексная работа, посвященная данной проблеме: это статья А. Л. Якобсона «Античные традиции в культуре ранне-средневековых городов Северного Причерноморья». Автор отказывается в наследовании городской античной традиции Боспору («в IV–V вв. некогда могущественное Боспорское царство, разгромленное гуннами, пало... Экономическим и политическим центром и наиболее крупным городом Таврики стал Херсон»), однако говорит о непрерывности этой традиции в Северном Причерноморье вообще. Наследие античной культуры в средневековой Таврике А. Л. Якобсон справедливо предлагал видеть в городском строительстве: в планировке улиц и архитектуре, самой строительной технике, вполне витрувианской; в сюжетах и технике средневековых мозаичистов Херсона; наконец, в мотивах ювелирного искусства. С выводом исследователя трудно не согласиться: «в художественной культуре ранне-средневековой Таврики – культуре, можно сказать, пронизанной античным наследием ...наследие это воспринималось отнюдь не пассивно; наоборот, оно постоянно находилось в процессе переоценки и изменения. Но вместе с тем это и были те основные камни, из которых складывалась средневековая культура городов Таврики» [67, с. 190].

Учитывая сказанное, попытаемся несколько дополнить картину существования античной традиции в средневековое время с учетом роли тех интеллигентных профессий и занятий жителей региона, которые нам известны. Мы полагаем, что наследие античных интеллектуалов следует видеть, прежде всего: в сфере слова, языка, являющегося гарантом преемственности культуры; в работах архитекторов, скульпторов, живописцев, мозаичистов, в произведениях костяной пластики; в медицине.

Речь средневековой Таврики, устная и письменная, остается по преимуществу греческой, в случае Херсона – с латинизмами и уже без доризмов. На греческом языке были составлены произведения местных писателей – херсонесский аналог «Стратегем» и «Жития семи епископов Херсонских». По всей видимости, поэмам

Гомера продолжают учить своих воспитанников дидаскалы, но, к сожалению, таких ярких свидетельств этому, как памятники античного периода (стих из «Одиссеи» на осколке чернолакового килика, два первых стиха «Малой Илиады»: на черепке – из Ольвии [11, с. 142]), мы не встречаем.

Греческими остаются строительные, посвятельные и надгробные надписи, происходящие из Херсона и его окрестностей [35, №№ 7–28, 31–40], Сугдеи [33, № 37] городищ на Тепе-Кермен, Эски-Кермен, Качи-Кальоне [35, №№ 43, 53, 61, 62, 64], Фуны, Партенита [35, № 69–71], Керченского полуострова [35 №№ 77–97]. Плиты со строительными надписями на греческом продолжают ставиться и после турецкого завоевания. Это надписи с Мангуца (1503 г.), Качи-Кальона (XVI–XVII вв.) [35, с. 62, № 54]. Из Херсона просходит пятнадцатистрочная надпись в честь императора Зинона 488 г. [35, № 7]; в нартексе Уваровской в южной стене было вмонтировано античное надгробие, с надписью «Господи, помоги всему этому Дому. Аминь»; ктиторская надпись в Восточной базилике: «Господь Иисус, говорящий Петру и спутникам: Бросьте справа от корабля сеть и поймаете» [35, №№ 7, 8.]. Из Партенита – строительная надпись 1427 г. из базилики, где сообщалось об обновлении храма, заложенного в честь апп. Петра и Павла еще «архиепископом города Феодоро и всей Готии Иоанном Исповедником» [IOSPE, 3, V, 241]. На Тамани надпись, обнаруженная П. С. Сумароковым в 1803 г, сообщала о подвигах императора Маврикия. В оформлении этой надписи резчик, видимо, руководствуясь виденным на античных плитах, поместил двух ангелов, срисованных с подобных изображений Ники [58, с. 127–128].

Греческие надписи встречаются и на вещах, распространенных в быту: амулетах-евлогиях с надписью «Господи, помоги носящему» из Херсона VII в. [50, с. 245–246]; медальонах, крестах, глиняных штампах для литургического хлеба [21, с. 204–206]. Многочисленны находки надгробий средневекового периода с греческими надписями из Херсона, Сугдеи, Пантикапея [21, с. 45–74].

О распространении письменности позволяют судить находки стилей для письма из кости, бронзы [39, № 260], меди и памятник греческого языка в Таврике XII–XV вв. – Сугдейский синаксарь. В нем, как и в строительных надписях, немало ошибок, на которые жаловался первый русский издатель: «с подобною безграмотностию мы встретимся почти в каждой надписи», «безграмотность писца не в состоянии была передать то, что он хотел сказать»; тем не менее, греческая письменная традиция не была утрачена [5, с. 597, 606].

Длительное время не менялись и принципы градостроения. Гипподамова система в «самом греческом» из таврических городов, Херсонесе, сохранялась вплоть до перестройки города после землетрясения VII–VIII вв. Но даже после перестройки были сохранены некоторые детали планировки, унаследованной от римского времени: главная улица, пересекавшая акрополь, была шире остальных (6–7 м), имела водопровод, сложенный из керамических труб, и канализацию в виде выложенных из камня желобов [56, с. 218–229]. По мнению А. И. Романчук, эти градостроительные принципы восходили в Херсоне даже к еще более раннему времени: «уличные магистрали, оформившиеся в эллинистический период, являлись доминантами при каждом строительстве» [53, с. 274–276].

Сама техника строительства была унаследована херсонскими архитекторами от римского времени: монолитную кладку на растворе описывал Витрувий [16, с. 51]. Такой технике следовали архитекторы при возведении крепостных стен и монументальных зданий Херсона в VI в. Уваровская и Северная базилики, базилика 1935 г., Уваровская крещальня, куртина 13-я крепостной стены также демонстрируют следование архитекторами известной с I в. н. э. смешанной кладки в виде чередования кирпича и камня (*opus mixtum*) [63, с. 595].

К античным традициям в профессии архитекторов принадлежит и возведение базилик, строившихся в Крыму в эллинистической технике (без трансепта), как Мангупская и Уваровская базилики (обе построены в последней трети VI – начале VII в.) [6, с. 77–84]. Базилика как храмовое здание полностью наследовала традиции строительства трех- и пятинефного парадного зала эллинистического времени [61, 152]. В VIII в. возводятся базилики на Эски-Кермене, на территории Каламиты и на Бакле [40, с. 39–53.]. Есть основания полагать, что базилика из инкерманского камня в Партените была построена архитекторами-икономами из Херсонеса [55, с. 686].

Уваровская базилика в Херсоне представляла собой целый комплекс из различных построек, повторявший римские культовые комплексы. Крещальня при базилике представляла собой «сильно упрощенный вариант центральных композиций римского времени», сравнимый с Стабианскими термами II в., термами Тита и Траяна, Каракаллы [67, с. 184]. В комплекс Уваровской базилики входил атриум, бывший центром и религиозной, и интеллектуальной, и общественной жизни города [55, с. 764–765].

В средневековом Херсоне действовали термы, архитектурное решение которых не изменилось с поздней античности: на «Южной площади» рядом с домом командира баня функционировала с поздней античности и, вероятно, до IX века функционировала баня, включавшая аподитерий (передняя, раздевалка), горячее помещение с гипocaustом, префурний (кочегарка), тепидарий и фригидарий, возможно, лаконик) [55, с. 937–948].

Античные архитектурные традиции в византийское время дают о себе знать и на Боспоре (где в античное время, кроме монументальных построек, известны даже несколько имен местных прославившихся архитекторов: Евтиха, Аврелия Антонина и других [КБН, №№ 1112, 1259, 1250, 1252, 1245]). Коринфский и ионический ордер использовали архитекторы для импостных колонн при возведении культового здания в Тиритаке (с территории этого здания происходит находка ионической капители с крестом, на основании чего постройку интерпретировали как базилику; впрочем, существует интерпретация культового здания как синагоги) [38, с. 28]. Нельзя не упомянуть здесь боспорскую базилику, традиционно датированную VII–VIII вв., (Греческую церковь, церковь Иоанна Предтечи), об архитектурных особенностях которой Н. И. Брунов писал: «простой тип крестовокупольного храма с четырьмя свободными подпорами известен в византийской архитектуре вне Константинополя уже в VI в., и именно эта форма и была ею унаследована от античности» [8, с. 91].

Известно из средневековых текстов о херсонесских статуях, видимо, украшавших центральную площадь города и в византийское время: в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» говорится о двух медных статуях ге-

роины Херсонеса Гикий, на пьедестале одной из статуй было записано предание о ее подвиге в борьбе Херсонеса с Боспором [33, с. 273], а «Повесть временных лет» сообщает, что в качестве трофеев князем Владимиром из Корсуни были вывезены среди прочего «медяне две капищи» и «четыре кони медяны» (очевидно, две статуи античных божеств и скульптура полководца или императора на квадриге), но, к сожалению, судьба этих произведений искусства классической древности по прибытии в Киев неизвестна [44, с. 201]. Скульптура ранневизантийского времени из Херсона следует античным образцам (например, фрагмент скульптуры Добрый Пастырь, повторяющий тип Гермеса Кривоноса), но в большинстве случаев такие памятники интерпретируются как привозные из Восточного Средиземноморья [43, №№ 2–6]. Из Константинополя и Фессалоник происходят рельефные изображения из стеатита [43, №№ 37–41], кости [43, №№ 314, 318], бронзы [43, № 135, 136]. К малоазийским памятникам относят позолоченную медную чеканную икону свв. Лукиллиана и Кира (X–XI вв.), бронзовую чеканную икону архангела Михаила (XI–XII вв.) [41, №№ 139, 141, 137–141]. По времени эти памятники относятся к Комниновскому ренессансу, в них отображаются традиции эллинистической живописи и римского портрета: фигуры стремятся к анатомической правильности, детали лиц и одежды тщательно выписаны, в костяной пластике передана динамика фигур. Но местным мастерам была известна эта традиция: особенно отчетливо она выражена в костяной иконе св. Луки (XI в.), бронзовых иконах X–XII вв. [41, №№ 134, 137, 142, 145, 315]. Античную традицию унаследовали византийские живописцы, принципы эллинистического искусства, дополненные сирийскими, палестинскими и египетскими мотивами, сохранялись во фресковой живописи и – еще отчетливее – в книжной миниатюре [32]. Подобное влияние испытали и раннесредневековые мозаики, как в столице, так и в провинции, по определению А. Л. Яковсона, «...вряд ли можно назвать хотя бы один мотив, орнаментальный или изобразительный, который впервые появился бы именно в раннее средневековье. Наоборот, все они без исключения почерпнуты из сокровищницы римского мозаичного искусства» [66, с. 185].

Мозаики Херсона обнаружены в «Базилике 1935 г.», южном нефе Уваровской базилики, базиликах, открытых в 1889 и 1932 гг., «базилике в базилике», «базилике на холме», Загородном крестообразном храме, «дома св. Леонтия», баптистерии при ранней базилике №15, мартирии (№ 47), крестовидном храме № 27 (св. Василия); эти памятники относятся к концу V–VII в. и демонстрируют близость к мозаикам Антиохии, Палестины, Сирии, Малой Азии того же периода [64, с. 244]. Из позднеантичных сюжетов росписей склепов в раннесредневековые мозаики переносятся растительный орнамент, изображения птиц, павлинов у канфара (например, как в склепе 1909 г.) [64, с. 596]. Декоративные мотивы в виде зигзагов, плетенок, звезд, пересекающихся кругов находят аналогии в мозаиках римских вилл Италии и Греции, Малой Азии Северной Африки и Галлии, и, в особенности, Антиохии. Сюжет мозаичного пола Загородного крестообразного храма – два павлина перед канфаром – в VII в. был повторен в Партенитской базилике, очевидно, мозаичистами из Херсона [18, с. 80–87].

С наследованием античных традиций в портретной живописи на Боспоре (на то, что в Пантикапее существовала в античную эпоху художественная мастерская,

указывает роспись стенок саркофага второй половины I в. н. э., где среди прочих сюжетов изображен художник за работой, а на условной стене позади него – три портрета [54, с. 376–389, табл. 92–95.] принято было связывать такие оригинальные памятники, как полихромные лекифы с изображениями святых, бытовавшие еще в доиконоборческий период, в V–VI вв. (подобные сосуды обнаружены в Керчи, окрестностях Гурзуфа, на некрополе пещерного города Бакла). Один из керченских сосудов В. Ф. Гайдукевич связал с деятельностью боспорских мастеров, а образ святого счел портретом неизвестного боспорца [17, с. 143]. Приемы, которыми пользовались художники Боспора античного периода (в том числе и в монументальной росписи), действительно, сопоставимы с приемами мастеров, расписывавших лекифы: передача контура сплошной широкой черной линией, светотень. Но глина, из которой изготовлена, по крайней мере, часть сосудов, не позволяет говорить о местном производстве: обычно их считают привозными из Синопы и Фокиды, и, таким образом, сложно проследить непрерывную преемственность в портретной живописи Боспора [25, с. 29]. Тем не менее важно, что, как и в античную эпоху, искусство Боспора осталось тесно связанным с Малой Азией.

Наследовали достижения античных интеллектуалов и медики средневековой эпохи – «ятрософисты», мудрецы врачебной профессии. Феофилакт Симокатта в «Истории» называет медиков «людьми, испытанными в искусстве Харона и Махаона» [26, с. 187]. Не изменились ни основные формы инструментов, ни подходы к лечению. Остается должность архиатра – главного врача в больницах, – общественных, монастырских и, по выражению С. Б. Сорочана, «полусветских» [55, с. 961]. Многократно переписывались и дополнялись комментариями труды античных ученых, на их основе медики средневековой эпохи создавали свои врачебные трактаты: в VII в. врачи Иоанн Александрийский и Стефан Александрийский составили комментарии к Гиппократу и Галену; Лев Патрософист в IX веке суммировал весь предшествующий ему медицинский опыт в «Общем обзоре медицины» [27, с. 103–108].

Высочайший авторитет медиков Эллады и Рима находит отображение даже в памятниках литературы Комниновского возрождения, далеких от специфически научного жанра. В сатире XII в. «Тимарион» одноименный герой терпит страшную лихорадку, причем сам диагностирует ее, судя по всему, по Галену: «лихорадка снова воротилась и выяснилось, что она перемежающегося свойства, хорошо известно врачам. С этого часа я стал считать болезнь неопасной и, надеясь, что после пятого приступа она и вовсе пройдет (ибо такова ее природа)...» [10, с. 370]. Всевозможные типы лихорадок – однодневная, трехдневная, полутрехдневная, четырехдневная и другие – описаны в сочинении Галена «О различных лихорадках». Названия трехдневной и четырехдневной лихорадок говорят о том, на какие сутки повторяется приступ [60, с. 325]. Тем не менее, болезнь не отступила, и героя увлекают за собой «демоны-проводники», поясняющие свой произвол отнюдь не провидением, а тем, что «в аиде высечено на стеле изречение Асклепия и Гиппократ, гласящее, что человеку невозможно существовать, лишившись одного из четырех составляющих его организм элементов, хотя бы тело его было в остальном еще крепким» [10, с. 371]. С авторитетом врачей классической древности герой, рожденный Комниновским возрождением, спорить не может, но ему везет: в аиде он

встречает своего учителя-софиста Феодора, дерзнувшего помочь ученику, но только потому он надеющегося на успех, что «божественный Гален, которого я опасаюсь больше всех, по божьему, может быть, соизволению не участвует сейчас в совете врачей; причина, которой он это объясняет, как я сам недавно слышал, – его книга «О различных видах лихорадок». И теперь, поди, он сидит где-нибудь в углу и, спрятавшись от сутолоки и шума, восполняет в ней пробелы» [10, с. 373]. И впрямь, отсутствие Галена помогает Феодору и Тимариону оспорить дело. Беспристрастно судят его все те же Асклепий и Гиппократ, и, найдя нестыковки в предсмертном состоянии Тимариона с тем состоянием, какое «предписано» принять мертвому по всем правилам врачебной науки, отпускают скитальца в мир живых.

В Северном Причерноморье в античное время врачебное дело было достаточно хорошо развито: известны не только находки хирургических инструментов, происходящих с Боспора, из Ольвии, Херсонеса, но и имена врачей, практиковавших в эллинистическое и римское время. Один из таких медиков, Авл Ситесий, живший во II в. н. э., принадлежал к медико-философской школе эмпириков [КБН, № 655]. По антропологическим данным Усть-Альминского некрополя известен результат работы врача, скорее всего, из Херсонеса, проведшего успешное оперативное лечение вдавлено-оскольчатого перелома черепа (левой теменной кости) у богатого скифа. Нейрохирургическая операция была проведена в полном соответствии с указаниями Авла Корнелия Цельса, следовательно, медик был знаком и с римской врачебной традицией [49, с. 121–127]. Преемственность античной медицины в средние века прослеживается в находках из средневекового Херсона. В VI–VIII вв. здесь существует комплекс, обнаруженный возле малой агоры, южных ворот и водохранилища, который С. Б. Сорочан определил его как ятрину – стационарную больницу, из тех, какие были широко известны в крупных городах Византии [55, с. 980]. Сохранились в Херсоне и античные медицинские инструменты, правда, в меньшем количестве, нежели в античную эпоху, из-за различий в погребальных языческого и христианского периодов, плохой сохранности черных металлов. Возможно, некоторые из таких инструментов не были выявлены при описаниях и отнесены к предметам быта, ремесла [29, с. 132]. Из средневековых медицинских инструментов известны бронзовый вильчатый прижигатель с орнаментированной ручкой (НЗХТ, инв. № 154/37041), бронзовые пинцеты с плоскими (НЗХТ, инв. №1977) и Г-образными губами (НЗХТ, инв. №1978). Часто находят полые птичьи кости, заостренные на концах (НЗХТ, № 5709, 18106, 5707, 5702), которые также могут быть атрибутированы как медицинские инструменты, использовавшиеся для лечения глазных заболеваний и удаления катаракты [48, с. 45–52].

Как видим, в средневековой Таврике античные интеллектуальные традиции не были утрачены. Одним из основных факторов сохранения античного наследия стал греческий язык. Кроме того, литературная традиция, сложившаяся в Херсонесе, оказала влияние на складывание литературы византийского Херсона, была отражена в «Житиях святых епископов Херсонских», составленных местным автором, и вышла за пределы региона: отрывок из херсонесского исторического сочинения нашел свое место в трактате «Об управлении империей»; за пределами Таврики известен в средневековье эллинистический ученый из Ольвии. Нашли свое продолжение в

средневековом Северном Причерноморье и античные традиции в архитектуре, живописи, медицине, переосмысленные в рамках новой, христианской картины мира.

Список использованных источников и литературы

1. Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae / Societatis Archaeologicae Imperii Russici. – Vol. 1. – Petropoli, 1885. – 598 p.
2. Suda On Line: Byzantine Lexicography. – Режим доступа: <http://www.stoa.org/sol/>
3. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Coda, 1997. – 343 с.
Averincev S.S. Poetika rannevizantijskoj literatury. – М.: Coda, 1997. – 343 p.
4. Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1900. – 229 с.
Ajnalov D. V. Ellinisticheskie osnovy vizantijskogo iskusstva. – SPb.: Tipografiya I. N. Skorohodova, 1900. – 229 p.
5. Антонин, арх. Заметки XII–XV века, относящиеся к Крымскому г. Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. – Одесса, 1863. – Т. 5. – С. 595–628.
Antonin, arh. Zаметki XII-XV veka, odnosyashchiesya k Krymskomu g. Sugdee (Sudaku), pripisannye na grecheskom Sinaksare // ZOOID. – Odessa, 1863. – T. 5. – P. 595–628.
6. Бармина Н. И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Античная древность и средние века. – Симферополь: Таврия, 1995. – Вып. 27. – С. 77–84.
Barmina N. I. Mangupskaya bazilika v svete nekotoryh problem krymskogo srednevekov'ya // Antichnaya drevnost' i srednie veka. – Simferopol': Tavriya, 1995. – Vyp. 27. – S. 77–84.
7. Болгов Н. К истории средневекового Боспора // Князя доба: історія і культура / НАНУ, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. – Львів, 2013. – Вип. 7. – С. 9–14.
Bolgov N. K istorii srednevekovogo Bospora // Knyazha doba: istoriya i kul'tura / NANU, Institut ukraїnoznnavstva im. I. Krip'yakevicha. – L'viv, 2013. – Vip. 7. – P. 9–14
8. Брунов Н. И. Памятники ранневизантийской архитектуры в Керчи // Византийский временник. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – Т. 25. – С. 87–105.
Brunov N. I. Pamyatniki rannevizantijskoj arhitektury v Kerchi // Vizantijskij vremennik. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1928. – T. 25. – P. 87–105.
9. Василий Великий. Беседы. – М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. – 136 с.
Vasilij Velikij. Besedy. – M.: Izd-tvo Moskovskogo Podvor'ya Svyato-Troickoj Sergievoj Lavry, 2001. – 136 p.
10. Византийская сатира «Тимарион» / Пер. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской, предисл. Е. Э. Липшиц // Византийский Временник. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 6. – С. 365–386.
Vizantijskaya satira «Timarion» / Per. S. V. Polyakovoj i I. V. Felenvskoj, predisl. E. E. Lipshic // Vizantijskij Vremennik. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1953. – T. 6. – P. 365–386.
11. Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы в Ольвии // Вестник древней истории. – М.: Наука, 1969. – № 3. – С. 142–150.
Vinogradov Yu. G. Kiklicheskie poehmy v Ol'vii // Vestnik drevnej istorii. – M.: Nauka, 1969. – № 3. – P. 142–150.
12. Виноградов А. Ю. К вопросу о средневековой эпиграфике юго-западного Крыма // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. – К.; Судак: Академперіодика, 2002. – С. 55–58.
Vinogradov A. Yu. K voprosu o srednevekovoj ehpigrafike yugo-zapadnogo Kryma // Surozh, Sugdeya, Soldajya v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy. – K.; Sudak: Akadempieriodika, 2002. – S. 55–58.
13. Виноградов А. Ю., Джанов А. В. Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. – К.; Судак: Академперіодика, 2004. – С. 13–35.
Vinogradov A. Yu., Dzhanov A. V. Grecheskie nadpisi Sugdei // Sugdejskij sbornik. – K.; Sudak: Akadempieriodika, 2004. – P. 13–35.
14. Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...»: Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 224 с.

Vinogradov A. Yu. «Minovala uzhe zima yazycheskogo bezumiya...» Cerkov' i cerkvi Hersona v IV veke po dannym literaturnyh istochnikov i ehpiigrafiki. – М.: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, 2010. – 224 p.

15. Виноградов. А. Ю. Строительные надписи византийского Крыма: Addenda et corrigenda // Вопросы эпиграфики. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. – № 4. – С. 217–253.

Vinogradov. A. Yu. Stroitel'nye nadpisi vizantijskogo Kryma: Addenda et corrigenda // Voprosy ehpiigrafiki. – М.: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, 2011. – № 4. – С. 217–253.

16. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. с лат. Ф.А. Петровского. – М.: Изд-во Акад. архитектуры-туры, 1936. – 332 с.

Vitruvij. Desyat' knig ob arhitekture / Per. s lat. F.A. Petrovskogo. – М.: Izd-vo Akad. arhitektury, 1936. – 332 p.

17. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – 591 с.

Gajdukevich V.F. Bosporskoe carstvo. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1949. – 591 p.

18. Гайдуков Н.Е. Декоративные программы напольных мозаик некоторых храмов Херсонеса: литургический аспект // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. – Вып. 1 (14). – С. 80–87.

Gajdukov N.E. Dekorativnye programmy napol'nyh mozaik nekotoryh hramov Hersonesa: liturgicheskij aspekt // Vestnik PSTGU: Bogoslovie. Filosofiya. – М.: Izd-vo PSTGU, 2005. – Вып. 1 (14). – С. 80–87.

19. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – Симферополь: Таврика, 1990. – Вып. 1. – С. 95–96.

Gercen A.G. Krepostnoj ansambl' Mangupa // MAIET. – Simferopol': Tavrika, 1990. – Вып. 1. – С. 95–96.

20. Григория Богослова, свт. Собрание творений: в 2 т. – М.: АСТ, 2000. – Т. 2. – 688 с.

Grigoriya Bogoslova, svt. Sobranie tvorenij: v 2 t. – М.: AST, 2000. – Т. 2. – 688 p.

21. Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак : Академперіодика, 2004. – С. 45–74.

Dzhanov A. V. Sugdeya v III–VII vv. // Sugdejskij sbornik. – К.; Sudak : Akademperiodika, 2004. – С. 45–74.

22. Демьянова О. А. О реставрации церковных древностей из коллекции Херсонесского заповедника // Мат-лы II международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского, посвященной 150-летию Свято-Космо-Дамиановского монастыря 15–16 июля 2006 г. – Симферополь, 2008. – С. 137–169.

Dem'yanova O. A. O restavracii cerkovnyh drevnostej iz kollekcii Hersonesskogo zapovednika // Mat-ly II mezhdunarodnoj cerkovno-istoricheskoy konferencii «Duhovnoe nasledie Kryma» pamyati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfskogo, posvyashchennoj 150-letiyu Svyato-Kosmo-Damianovskogo monastyrya 15–16 iyulya 2006 g. – Simferopol', 2008. – С. 137–169.

23. Ермолин А. Л. Еще раз к вопросу о позднеантичном храме в Тиритакте: синагога // Научные ведомости БГУ. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – № 13 (132). – Т. 23.

Ermolin A. L. Eshche raz k voprosu o pozdneantichnom hrame v Tiritakte: sinagoga // Nauchnye vedomosti BGU. – Belgorod: Izdatel'skij dom «Belgorod», 2012. – № 13 (132). – Т. 23.

24. Залеская В. Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) // Византийский Временник. – М.: Наука, 1988. – Т. 49 (74). – С. 204–207.

Zalesskaya V. N. Pamyatniki srednevekovoj grecheskoj ehpiigrafiki iz Severnogo Prichernomor'ya (novye postupleniya vizantijskogo otdeleniya Ermitazha) // Vizantijskij Vremennik. – М.: Nauka, 1988. – Т. 49 (74). – С. 204–207.

25. Иванина О.А., Федосеев Н.Ф. К вопросу об атрибуции лекифов с изображениями святых // Тезисы «VII музейных чтений» Керченского историко-культурного заповедника, 18 декабря 2012 г. – Керчь, 2012. – С. 29–32.

Ivanina O.A., Fedoseev N.F. K voprosu ob atribucii lekifov s izobrazheniyami svyatyh // Tezisy «VII muzejnyh chtenij» Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika, 18 dekabrya 2012 g. – Kerch', 2012. – С. 29–32.

26. Иванов И. А. Благотворительность и медицина в Византии // Общество. Среда. Развитие (Терра Нумана). – СПб: Астеріон., 2010. – Вып. 3. – С. 186–189.

- Ivanov I. A. Blagotvoritel'nost' i medicina v Vizantii // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. – SPb.: Asterion, 2010. – Вып. 3. – P. 186–189.
27. Иванов И. А. Античная медицинская литература в контексте византизма // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. – СПб.: Астерион, 2011. – Вып. 2. – С.103–108.
- Ivanov I. A. Antichnaya medicinskaya literatura v kontekste vizantizma // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. – SPb.: Asterion, 2011. – Вып. 2. – P.103–108.
28. Иоанн Дамаскин. Источник знания / Пер. с греч. и коммент. Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды. – М.: Индрик, 2002. – 416 с.
- Ioann Damaskin. Istochnik znaniya / Per. s grech. i komment. D. E. Afinogenova, A. A. Bronzova, A. I. Sagardy, N. I. Sagardy. – М.: Indrik, 2002. – 416 p.
29. Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура (I–III вв. н. э.). – Харьков: Бизнес-информ, 1996. – 237 с.
- Kadeev V. I. Hersones Tavricheskij: Byt i kul'tura (I–III vv. n. e.). – Har'kov: Biznes-inform, 1996. – 237 p.
30. Кнабе Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. – 238 с.
- Knabe G. S. Russkaya antichnost': Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture Rossii. – М.: Ros. gos. gumanit. un-t., 2000. – 238 p.
31. Кондаков Н. П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. – Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1876. – 276 с. Kondakov N.P. Istoriya vizantijskogo iskusstva i ikonografii po miniatyuram grecheskih rukopisej. – Odessa: Tipografiya Ul'riha i Shul'ce, 1876. – 276 p.
32. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М.: Наука, 1991. – 493 с.
- Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej / Pod red. G. G. Litavrina, A. P. Novosel'ceva. – М.: Nauka, 1991. – 493 p.
33. Корпус боспорских надписей / Ред. В. В. Струве. – М.; Л.: Наука, 1965. – 950 с.
- Korpus bosporskih nadpisej / Red. V. V. Struve. – М.; L.: Nauka, 1965. – 950 p.
34. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. – К.: Типолитография Товарищества И. Н. Кушнерев, 1906. – 186 с.
- Kulakovskij Yu. A. Proshloe Tavridy. – К.: Tipolitografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev, 1906. – 186 p.
35. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896. – 143 с.
- Latyshev V.V. Sbornik grecheskih nadpisej hristianskih времен iz yuzhnoj Rossii. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1896. – 143 p.
36. Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских: Исследования и тексты. – СПб., Типография Императорской Академии наук, 1906. – 82 с.
- Latyshev V.V. Zhitiya sv. episkopov Hersonskih: Issledovaniya i teksty. – SPb., Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1906. – 82 p.
37. Макарова Т. И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Советская археология. – М.: Наука, 1982. – № 4. – С. 91–100.
- Makarova T. I. Arheologicheskie dannye dlya datirovki cerkvi Ioanna Predtechi v Kerchi // Sovetskaya arheologiya. – М.: Nauka, 1982. – № 4. – P. 91–100.
38. Макарова Т. И. Плетнева С. А. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. – М.: Институт Археологии РАН, 2003. – 533 с.
- Makarova T. I. Pletneva S. A. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epohu srednevekov'ya IV–XIII veka. – М.: Institut Arheologii RAN, 2003. – 533 p.
39. Маслеников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. – М.: Наука, 1990. – 232 с.
- Maslennikov A. A. Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervyh vekah n. e. – М.: Nauka, 1990. – 232 p.
40. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь: Таврия, 1997. – 384 с.
- Mogarichev Yu.M. Peshchernye cerkvi Tavriki. – Simferopol': Tavriya, 1997. – 384 p.

41. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, Т. Э. Саргсян., С. В. Сорочан, А. К. Шапошников // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. – Харьков: Антиква, 2012. – Т. 1. – 416 с.
- Zhitiya episkopov Hersonskih v kontekste istorii Hersonesa Tavricheskogo / Yu. M. Mogarichev, A. V. Sazanov, T. E. Sargsyan., S. V. Sorochan, A. K. Shaposhnikov // Narteks. Byzantina Ucrainensis. – Har'kov: Antikva, 2012. – Т. 1. – 416 p.
42. Молев Е. А. Основные этапы истории Китея // Таманская старина. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. – С. 42–45.
- Molev E.A. Osnovnye etapy istorii Kiteya // Tamanskaya starina. – SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2000. – P. 42–45.
43. Наследие византийского Херсона. – Севастополь; Остин, 2011. – 708 с.
- Nasledie vizantijskogo Hersona. – Sevastopol'; Ostin, 2011. – 708 p.
44. Никитенко Н. Н. Рецепция Херсонеса в идейной программе Софии Киевской // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции – К.; Судак: Академперіодика, 2002. – С. 201–203.
- Nikitenko N. N. Receptsiya Hersonesa v idejnoy programme Sofii Kievskoj // Sugdeya, Surozh, Soldajya v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy. Materialy nauchnoj konferencii – K.; Sudak: Akademperiodika, 2002. – P. 201–203.
45. Никифора, патриарха Константинопольского, Краткая история со времени после царствования Маврикия / Пер. с греч. и коммент. Е. Э. Липшиц // Византийский Временник. – М.; Л.: Наука, 1950. – Т. 3 (28). – С. 349–387.
- Nikifora, patriarha Konstantinopol'skogo, Kratkaya istoriya so vremeni posle carstvovaniya Mavrikiya / Per. s grech. i komment. E. E. Lipshic // Vizantijskij Vremennik. – M.; L.: Nauka, 1950. – Т. 3 (28). – P. 349–387.
46. Николаев Н. И. Аксиома ольвийской просопографии IV–I вв. до н. э. // Историчний архів: Наукові студії: 36. наук. пр. – Миколаїв: ЧДУ ім. Петра Могили, 2014. – Вип. 12. – С. 156–164.
- Nikolaev N. I. Aksioma ol'vijskoj prosopografii IV–I vv. do n. e. // Istorichnij arhiv: Naukovi studii: Zb. nauk. pr. – Mikolaiv: ChDU im. Petra Mogili, 2014. – Vip. 12. – P. 156–164.
47. Памятники византийской литературы IX–XIV веков / Ред. Л. А. Фрейберг. – М.: Наука, 1969. – 458 с.
- Pamyatniki vizantijskoj literatury IX–XIV vekov / Red. L. A. Frejberg. – M.: Nauka, 1969. – 458 p.
48. Пархоменко М. В. О медицине в византийском Херсонесе –Херсоне // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна / ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2011. – № 982: Сер. Історія. – Вип. 44 – С.40–52.
- Parhomenko M. V. O medicine v vizantijskom Hersonese –Hersone // Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina / HNU im. V. N. Karazina. – Harkiv, 2011. – № 982: Ser. Istorija. – Vip. 44 – S.40–52.
49. Пономарев Д. Ю. К вопросу о последователях медицинской школы Авла Корнелия Цельса в Крыму (по палеопатологическим данным) // Проблемы истории, филологии и культуры / Отделение историко-филологических наук РАН. – М.; Магнитогорск, 2001. – Вып. 11. – С. 121–127.
- Ponomarev D. Yu. K voprosu o posledovatelyah medicinskoj shkoly Avla Korneliya Cel'sa v Krymu (po paleopatologicheskim dannym) // Problemy istorii, filologii i kul'tury / Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk RAN. – M.; Magnitogorsk, 2001 – M.; Magnitogorsk, 2001. – Vyp. 11. – P. 121–127.
50. Пономарев Л. Ю. К топографии раннесредневекового Боспора (VI–XII вв.) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С.202–205.
- Ponomarev L. Yu. K topografii rannesrednevekovogo Bospora (VI–XII vv.) // Bospor Kimmerijskij, Pont i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. – Kerch', 2002. – P.202–205.
51. Попова Т. В. Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. – М.: Наука, 1975. – С. 218–265.
- Popova T. V. Antichnaya biografiya i vizantijskaya agiografiya // Antichnost' i Vizantiya. – M.: Nauka, 1975. – P. 218–265.
52. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 519 с.

- Prokopij iz Kesarii. Vojna s gotami / Per. s grech. S. P. Kondrat'eva. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 519 р.
53. Романчук А. И. Херсон XIV в.: Каким могли видеть свой город херсониты // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева. – Харьков: Бизнес-Информ, 1997. – С. 272–289.
- Romanchuk A. I. Herson XIV v.: Kakim mogli videt' svoj gorod hersonity // Antichnyj mir. Vizantiya: K 70-letiyu professora V. I. Kadeeva. – Har'kov: Biznes-Inform, 1997. – P. 272–289.
54. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России / Издание Императорской Археологической Комиссии. – СПб., 1914. – Т. 1: Описание и исследование памятников. – 537 с.
- Rostovcev M. I. Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii / Izdanie Imperatorskoj Arheologicheskoy Komissii. – SPb., 1914. – T. 1: Opisaniye i issledovaniye pamyatnikov. – 537 p.
55. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и материальной культуры. – Харьков: Майдан, 2005. – 1642 с.
- Sorochan S. B. Vizantijskij Herson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.) Ocherki istorii i material'noj kul'tury. – Har'kov: Majdan, 2005. – 1642 p.
56. Сорочан С. Б. О «так называемой малой агоре» и воротах мертвых византийского Херсона / Херсонеса // Сугдейский сборник. – К.; Судак: Академперіодика, 2012. – Вып. 5. – С. 218–229.
- Sorochan S. B. O «tak nazyvaeмой maloj agore» i vorotah mertvyh vizantijskogo Hersona/Hersonesa // Sugdejskij sbornik. – K.; Sudak: Akademperiodika, 2012. – Vyp. 5. – P. 218–229.
57. Спиридонов Д. С. Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли // ИТУАК. – Симферополь: Типография Тавр. губ. земства, 1918. – № 54. – С.187–233.
- Spiridonov D. S. Urozhency severnogo berega Chernogo morya v istorii drevnegrecheskoj mysli // ITUAK. – Simferopol': Tipografiya Tavr. gub. zemstva, 1918. – № 54. – P.187–233.
58. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. – СПб.: Императорская типография, 1803. – Ч. 1. – 276 с.
- Sumarokov P. I. Dosugi krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu Pavla Sumarokova. – SPb.: Imperatorskaya tipografiya, 1803. – Ch. 1. – 276 p.
59. Струве В. В. Древнейший историк СССР // Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – М.; Л.: Наука, 1968. – С. 147–199.
- Struve V. V. Drevnejshij istorik SSSR // Etyudy po istorii Severnogo Prichernomor'ya, Kavkaza i Srednej Azii. – M.; L.: Nauka., 1968. – P. 147–199.
60. Теологумены арифметики: Theologoumena arithmeticae / Пер. А. И. Щетникова // СХОЛН: Философское антиковедение и классическая традиция / Центр изучения философии и классической традиции. – Новосибирск, 2009. – Т. 3. – Вып. 1. – С.292–335.
- Teologoumeny arifmetiki: Theologoumena arithmeticae / Per. A. I. Shchetnikova // SХОЛН: Filosofskoe antikovedeniye i klassicheskaya tradiciya / Centr izucheniya filosofii i klassicheskoy tradicii. – Novosibirsk, 2009. – T. 3. – Vyp. 1. – P. 292–335.
61. Финогенова С. И. К вопросу о границах и планировке античной Гермонассы // Таманская старина. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. – Вып.3 – С.48–49.
- Finogenova S. I. K voprosu o granicah i planirovke antichnoj Germonassy // Tamanskaya starina. – SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2000. – Vyp.3 – P.48 – 49.
62. Фрейберг Л. А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия. – М.: Наука, 1975. – С. 5–52.
- Frejberg L. A. Antichnoye literaturnoye naslediye v vizantijskuyu ehpoху // Antichnost' i Vizantiya. – M.: Nauka, 1975. – S. 5–52.
63. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. – Харьков: Майдан, 2004. – 729 с.
- Hersones Tavricheskij v seredine I v. do n. eh. – VI v. n. e.: Ocherki istorii i kul'tury. – Har'kov: Majdan, 2004. – 729 p.
64. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М.: Наука, 1980. – 214 с.
- Chichurov I. S. Vizantijskie istoricheskie sochineniya: «Hronografiya» Feofana, «Breviarij» Nikifora. – M.: Nauka, 1980. – 214 p.
65. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. Х. // Памятники христианского Херсонеса. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1908. – Вып. 3. – С. 143–250.

Shestakov S. P. Oчерki po istorii Hersonesa v VI–X vv. po R. H. // Pamyatniki hristianskogo Hersonesa. – M.: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova, 1908. – Выр. 3. – P. 143–250.

66. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // Очерки истории материальной культуры. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 362 с.

Yakobson A. L. Rannesrednevekovyj Hersones // Oчерki istorii material'noj kul'tury. – М.; Л.: Izd-vo AN SSSR, 1959. – 362 p.

67. Якобсон А. Л. Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья // Античный город. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 182–190.

Yakobson A. L. Antichnye tradicii v kul'ture rannesrednevekovyh gorodov Severnogo Prichernomor'ya // Antichnyj gorod. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – P. 182–190.

Leybenson J. T. Anyique Intellectual Tradition in the Northern Black Sea region in the Middle Ages / J. T. Leybenson // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 1. – P. 12–27.

This issue is on the reception of the antique inheritance in medieval Black Sea region in the field of such intellectual professions as architecture, painting, medicine, literature. it is known that in medieval Byzantium, the successor of the Roman Empire, all those fields had a great repercussions of the antique tradition, and Byzantine intellectuals considered themselves continuators of that tradition. As to North Pontic region, the most clearly the succession of the antiquity is traced in the Byzantine Cherson and in some degree Bosphorus and Mountain Taurica. In terms of Cherson it can be seen how the modality of the Hellenistic and Roman times were continued in town planning, arts, medical practice; in the city as far back as antique times developed the historical and literary tradition which affected the literature and appeared in the medieval Cherson. Besides, such narrative sources as the dictionary of the "Suda" and the tractate "On the Administration of the Empire" witness that the proceedings of the North Pontic region erudite were known in the middle ages even beyond the region.

Keywords: Northern Black Sea region, antique intellectual tradition, the Middle Ages.